

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Дудин П.Н., Базаров К.Ю. — Трансформация юридического статуса монгольских земель, вошедших в состав маньчжурских провинций при создании Хэйлунцзяна, Ляонина и Гирина // Право и политика. – 2023. – № 12. – С. 1 - 8. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.12.69278 EDN: TIFHSM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69278

Трансформация юридического статуса монгольских земель, вошедших в состав маньчжурских провинций при создании Хэйлунцзяна, Ляонина и Гирина

Дудин Павел Николаевич

ORCID: 0000-0002-9407-8436

доктор исторических наук, доктор политических наук

Ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13

✉ dudin2pavel@gmail.com



Базаров Кирилл Юрьевич

Научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук

690041, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Радио, 7

✉ kbazarov@mail.ru



[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2023.12.69278

EDN:

TIFHSM

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2023

Дата публикации:

12-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является процесс изменения юридического

статуса монгольских земель, которые до начала XX в. были объединены в политии Внешняя Монголия, Внутренняя Монголия, Барга (Хулун-Буир), обладающие статусом автономных государств в составе империи Цин. Имея гарантии неприкосновенности от проникновения в их пределы китайского населения, это земли сохранили древний родовой уклад, деление княжества (хошуны) во главе с дзасаками – потомками Чингисхана или его брата Хасара. Однако китайская колонизация, начавшаяся в 1880-е гг., политическая слабость императоров и объективная необходимость в расширении жизненного пространства ханьского населения огромной империи, заставили центральные власти в Пекине нарушить старинные договоренности, приступить к отчуждению земель хошунов и создавать на них китайскую систему административно-территориального устройства. Методология исследования строилась на междисциплинарном подходе с опорой на инструменты ряда гуманитарных наук: идеографический, или описательно-повествовательный метод, принцип историзма, ретроспективный метод, метод периодизации, сравнительно-правовой метод, метод реконструкции, структурный метод и нарративный подход, а также, учитывая юридическую составляющую исследуемого явления, – догматический метод и метод юридической герменевтики. Научная новизна работы заключается в том, что впервые в современной отечественной науке реконструирован процесс перехода от родовой организации монгольских и маньчжурских земель к современному его состоянию, при этом рассматривая его в контексте преемственности ключевых территориальных структур, значительная часть которых функционирует и в настоящее время в Китайской Народной Республике (провинции и уезды). Научная значимость результатов, отраженных в статье, заключается в выявлении и описании новых направлений государственно-правовых исследований в заявленном регионе, проведенная работа может послужить основой для пересмотра сложившихся в исторической, политической и юридической науке критериев и характеристик относительно территориального устройства как Китая в целом, так и его отдельных национальных регионов. Авторы приходят к выводу о том, что территориальная организация Северо-Восточного Китая в границах бывшей политии Маньчжурия (Дунбей) и в восточной части Внутренней Монголии отчасти сохранила исторические границы более мелких единиц, тем самым обеспечивая себе устойчивость и преемственность.

Ключевые слова:

юридический статус, административно-территориальное деление, провинция, уезд, хошун, КНР, Внутренняя Монголия, Маньчжурия, Колонизация, ретроспективные карты

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.».

Внутренняя Монголия на начало XX в. представляла из себя государственно-правовой феномен, поскольку в основе своего устройства сохранила полу-самостоятельные феодальные княжества – хошуны, управляемые назначаемыми центральными властями в Пекине, но, по сути, наследственными монархами, дзасаками – представителями родовой аристократии, потоками Чингисхана или его ближайших родственников. Свой статус и привилегии дзасаки получили в 1636 г. после съезда в Чифыне, который собрал владетельных южно- и восточномонгольских правителей, князей и ханов, из княжеств Хорчин, Чжалайт, Горлос Харчин, Тумэт, Аохан, Найман, Байрин, Оннют, Чжаруд и др. и возвел маньчжурского императора Абахая на великоханский престол с титулом богдо-

хан [\[1, п. 2\]](#) (Великий Хан), тем самым обеспечив его правопреемство империи Чингисхана. Несмотря на то, что переход суверенных прав князей Южной и Восточной Монголии (Хинганской) к маньчжурам лишал их того, что мы называем внешним суверенитетом, внутри своих владений они оставались полноправными хозяевами, в обязанности которых вменялось соблюдение немногочисленных церемониальных функций по отношению к верховной общеимперской власти. В результате их потомки продолжали править своими хошунами вплоть до прихода к власти коммунистов в 1949 г.

Полагаем, что, опираясь на собственные историко-теоретические изыскания в данной области [\[2\]](#), Внутреннюю Монголию в период вхождения в состав империи Цин и до 1914 г. мы можем характеризовать как автономное государство, представляющее собой такую политическую организацию, которая, располагая основным массивом признаков суверенного государства, имело договорный дефект внешнего суверенитета, что давало ему право в полном объеме осуществлять соответствующие prerogatives по организации внутренней политики в соответствии с древним укладом, но не позволяло быть полноценным субъектом международного права и международных отношений.

Нетипичный юридический статус порождал и необходимость в особой системе внешнего управления посредством специально уполномоченного органа власти, наделенного обширными и своеобразными полномочиями. До начала XX в. их осуществляло Ведомство/Палата управления зависимыми территориями (Лифаньюань/理藩院/Тулерги голо-бе дасара джургань), которую А. Л. Леонтьев называл Джургань внешних областей [\[3, с. 48\]](#) / Джургань, управляющая внешние области [\[3, с. 72\]](#) и которой отводилась часть 51 в «Тайцин гурунь...» [\[3, с. 266-277\]](#). Особенностью этого органа было то, что, во-первых, аналогов ему в предшествующие эпохи не было ни в Китае, ни в других государствах региона. Созданное в 1636 г. как подразделение Лы бу, Монгол ямунь/Мэнгу Джургань, уже в 1639 г., расширяя при этом свое влияние за счет подчинения власти маньчжуров Тибета, Цинхпая и Синьцзяна Ведомство получает название Лифаньюань и уже в 1661 г. становится равнозначным по статусу учреждениям Лю бу седьмым Ведомством. Со временем в его полномочия вошли контакты с Россией, но в 1861 г. с образованием Государственной имперской канцелярии все внешнеполитические вопросы были переданы новому учреждению. В 1907 г. статус Лифаньюань был изменен на министерский, а с установлением республики оно было преобразовано в Комиссию по делам Монголии и Тибета во главе с князем Гунсэнноровом [\[4\]](#).

Исходя из своеобразия юридического статуса монгольских земель формируется унифицированная система внутреннего управления. Суть ее сводилась к следующему. Внутренняя Монголия была поделена на своего рода военные округа – сеймы, которых насчитывалось 6. К началу XX в. сеймы из военно-административных институтов превратились в координационные структуры, помогающие имперским властям управлять этими обширными пространствами. В качестве ключевого инструмента обеспечения управляемости существовали сеймовые съезды, проводимы раз в три года, на которых могли избираться руководитель/ председатель, именуемый «чигулгану-дарга», которому еще надлежало быть утвержденным в Лифаньюань, и его заместитель (дэд-чигулгану-дарга), формировались органы управления, решались полномочные вопросы (в области правосудия, учета населения, оперативного реагирования на те или иные ситуации, связанные с нарушением правопорядка др.).

Непосредственная власть родовой аристократии, сохранившей при маньчжурах свои владения исконными территориями, отныне ограничивалась пределами небольших

княжеств – хошунов, число которых постоянно увеличивалось, дробя монгольское пространство и тем самым снижая вероятность сепаратистских выступлений, могущих угрожать империи изнутри. Так к началу XX в. во Внутренней Монголии насчитывалось 49 хошунов-княжеств (в 1691 г. их было всего 8). Во главе хошуна ставился дзасак – полновластный (в рамках своих полномочий, не выходящих за общеимперские рамки и полномочия сеймовых учреждений) правитель, утверждаемый Лифаньюань, как правило, из числа ближайших представителей одного рода, реализующего функции по назначению своей администрации, распределению пастбищ между кочующими подданными, регулированию перемещения сторонних лиц через свой хошун, организации хошунного ополчения и привлечения для этого подданных, осуществления правосудия, сбора податей и распределению повинностей на очередной период. Оперативное управление обеспечивала хошунная администрация – совет хошуна или Тамга.

Промежуточным звеном между сеймовой и хошунной организацией власти выступали аймаки – более крупные, нежели княжества, образования, вхождение в состав которых было продиктовано близким родством тех или иных князей и наличием среди них общих предков в относительно недавнем прошлом. Так хошуны Внутренней Монголии были объединены в 24 аймака, как правило, по 2 или 3 в каждом. Так, например, в Шилин-Гольском сейме (на границе с Внешней Монголией) Сунитский аймак включал в себя хошун левой руки Цзун-сунит/ Цзун-Сунитский хошун цзасака туруйн-хэ-цзюнь-вана и хошун правой руки Барун-сунит/ Барун-Сунитский хошун цзасака туруйн-дурун-хэ-цзюнь-вана, а в Чжосотуском/ Чжасактуском сейме на юго-западе Внутренней Монголии Харачинский аймак включал в себя Цзун-харачин/ Харачинский хошун цзасака хошунай-бэйсэ/ Харачин левого крыла, Барун-харачин/ Харачинский хошун цзасака дурэн-хэ-цзюнь-вана/ Харачин правого крыла и Дунда-харачи/ Харачинский хошун цзасака хошунай-бэйсэ/ Харачин среднего/центрального крыла. Могло быть и так, что аймак состоял из одного хошуна, как это было в Чжу-Удском сейме на юго-востоке, где Аймак Аохань был и Аоханьским хошуном цзасака туруйн-хэ-цзюнь-вана. В свою очередь Их-Чжуский сейм на юге Внутренней Монголии состоял из одного аймака – Ордоса, который включал в себя 7 хошунов и т.д.

Однако ситуация кардинально меняется с 1880-х г., при ослаблении императорской власти, когда были нарушены древние маньчжуро-монгольские договоренности о неприкосновенности монгольских степей для заселения жителями т.н. «застенного» Китая. События, изменившие юридический статус монгольских земель, получили название китайской колонизации, о чем мы уже писали в наших предыдущих работах [\[5, с. 301-304; 6, с. 482-484\]](#). В результате, с одной стороны, на монгольских территориях, наряду к традиционной, происходит формирование параллельной системы ханьского управления, что спровоцировало череду «парадов суверенитетов» на периферии в первые месяцы Синьхайской революции, приведших к отпадению Внешней Монголии (Халхи) в 1911 г. и Барги в 1912 г., а также попытке присоединиться к ним многочисленных хошунов Внутренней Монголии. Юридически отправной точкой этого неоднозначного процесса, который в течение последующих 30 лет принесет немало бедствий как монгольскому, так и китайскому населению, следует считать декабрь 1901 г., когда «цзяньцзюнь Сабао представил трону доклад о необходимости и важности заселения железнодорожной полосы от Харбина до Хайлара». Весной 1902 г., после его утверждения императором, начался отвод земель монгольских хошунов Дурбета, Северного Горлоса, Чжалайта и Чжасайту (Хорчинского правого крыла переднего хошуна). Переселенцами оказались жители, как правило, южных и центральных

провинций, которые переезжали с семьями и родственниками, получая обширные наделы для их распашки и обработки, что сужало выпасную площадь и лишало монгольское население возможности вести традиционный образ жизни, перемещаясь вглубь региона. Следующим юридическим шагом стало создание в 1907 г. на родовых землях маньчжурских императоров трех провинций: Хэйлунцзяна, Гирина/ Цзилиня и Фэнтяня/ Ляонина. Однако, помимо собственно маньчжурских пространств территории новых провинций приросли монгольскими территориями восточных сеймов, которые встраивались в общенациональную систему ханьского управления с разрушением в них родового уклада и исчезновением некоторых хошунов. В 1914 г. последовала новая административная реформа, разделившая территорию проживания монголов центральных и западных сеймов на ряд административных районов, три из которых включали саму Внутреннюю Монголию: Суйюань, Чахар и Жэхэ. На этих территориях образовывались китайские уезды, подчинявшиеся уже не дзасакам, а губернаторам провинций и соответственно этому шла перестройка всей системы управления. Получалась как бы надстройка ханьских государственных органов территориального управления над родовыми монгольскими институтами, при которой власть и привилегии дзасаков на контролируемых ими хошунах формально не упразднялись, тогда как территория самого хошуна уменьшалась или выкупалась полностью, что и приводило к его ликвидации.

Иллюстрацией этого уникального процесса трансформации служат карты Монголии [\[7\]](#) и Маньчжурии [\[8\]](#), составленные под руководством В.И. Сурина, которым мы уже давали описание [\[9, с. 89\]](#). Данные карты в геоинформационном формате были загружены в программную среду ArcGIS Pro 3.0.1. Были созданы два полигональных векторных тематических слоя, которые описывали границы хошунов и уездов, соответственно, и один точечный, отображающий положение ставок князей. Во многих случаях границы хошунов и уездов приурочены к границам гидрографических объектов или дорогам (в т.ч. железнодорожным линиям). При проведении границ были использованы современные данные (в векторном формате) об административных и муниципальных границах, дорогах и объектах гидросети. Например, граница между хошунами Чжалайт и Северный Горлос проходила по р. Нонни (совр. Нэньцзян) – для проведения границы было использовано местоположение современного русла. В работе также использовалась карта Монголии И.Я. Коростовца [\[10\]](#), которая также прошла процедуру пространственной привязки и была загружена в ГИС-среду. Именно эта карта была использована как источник данных о расположении княжеских ставок (своеобразных кочевых «столиц» хошунов) и положении границ княжеств, отсутствующих на картах В.И. Сурина. Опершись на них, рассмотрим процесс изменения юридического статуса монгольских земель в Маньчжурии более подробно.

Итак, провинция Шэнцзи/ Фэнтянь/ Ляонин/ Мукденская провинция (по данным некоторых изданий КВЖД [\[11, с. 98\]](#)), на карте В.И. Сурина отмечена латинской цифрой III и в ее пределах находились: хошун Дархан-вана (№ 130), без выделения китайских уездов, вся территория в юрисдикции дзасака; хошун Тушету-вана (№ 131), на восточных землях которого был создан уезд с возможным центром в городе Чай-Юй (Кай-хуа-чжэнь) (на карте В.И. Сурина уезд захватывает юго-восточные земли хошуна, хотя фактически – всю его южной часть, которая тоже вошла в состав маньчжурской провинции); большая часть хошуна не была разделена на уезды и оставалась в юрисдикции дзасака; хошун Чжасакту-вана (№ 132), на южной половине которого, как указывает В.Ф. Дидушок, изначально были созданы 2 уезда: Кайтун-янь с центром в городе Кайтун и Цин-ань-сянь (на карте В.И. Сурина не обнаружен), затем к ним был

присоединен уезд Ли-цюань-сунь [\[12, с. 29\]](#) (очевидно, на его территории на карте В.И. Сурина есть город Ду-цюань, а сам уезд захватывает часть приграничных северо-восточных земель хошуна Тушету-вана), однако мы видим еще 2 уезда: Тао-нань и Тао-нань-сян (Тао-нань-фу); северная часть оставалась в юрисдикции дзасака; хошун Тушегуна (№ 133), на южной половине которого были созданы 2 уезда с возможными центрами в городах Чжень-дун и Ань-гуан-сян с центром в Ань-гуан; северная часть оставалась в юрисдикции дзасака; хошун Бо-вана (№ 134), с 6 уездами на юге и востоке (с возможными центрами в городах Кан-Пин, Чан-Ту-фу или Кай-Юань и др.); западная часть оставалась в юрисдикции дзасака; хошун Бинту-вана (№ 135), в центре которого сходились 3 китайских уезда (Чжан-Пу, Фа-Ку и др.), северная треть территории оставалась в юрисдикции дзасака.

Провинция Хэйлунцзян/ Цицикарская провинция (по данным того же издания КВЖД) – на карте В.И. Сурина отмечена латинской цифрой I и в ее пределах находились: хошун Чжалайт (б/н, с указанием названия на карте В.И. Сурина) с 3 уездами (с вероятными центрами в Цзин-Син-Чжень, Тайлайсянь и Таху (Лян-цзя-цза-дянь)); хошун Северный Горлос (б/н, с указанием названия на карте В.И. Сурина) с 7 уездами, 2 из которых (на севере и востоке) выходили за пределы княжества; из них, очевидно, 4 северных относились к бывш. хошуну Дурбет, территория которого обозначена на карте В.И. Сурина как территория Северного Горлоса; хошун Дурбет (присутствует на картах И.Я. Коростовца и П.Н. Меньшикова, отсутствует на карте В.И. Сурина, но у него и на карте П.Н. Меньшикова имеется указание ставки князя в западном углу около кумирни Мяо и города Тайлайсян) с 4 уездами (центра в городах Линлянь, Син-Лун-Чжень (находится за пределами княжества), Аньда и др.), отнесенными на карте В.И. Сурина к территории Северного Горлоса.

Наконец, провинция Гирин/ Цзилинь – на карте В.И. Сурина отмечена латинской цифрой II и в ее пределах находился хошун Южный Горлос (б/н, с указанием названия на карте В.И. Сурина) с 5 уездами.

Как мы могли убедиться при соотнесении данных карт и сведений, имеющихся в изданиях КВЖД, в большинстве случаев границы образуемых уездов были приурочены к границам хошунов (княжеств) и формировались в их пределах, но в ряде случаев уезды были «трансграничными», например: большая часть двух из трех уездов на территории Бинту-Вана находилась на территории соседнего хошуна Бо-Ван; уезд на севере Бо-Вана, также простирался на территорию княжества Чжасакту-Вана; в центральной части княжеств Чжасакту-Вана и Тушету-Вана располагался уезд, пересекающий их границы; в Северном Горлосе уезды на севере и востоке пересекали границы хошуна. Из десяти рассматриваемых в работе хошунов у половины (Дурбет, Чжалайт, Тушету-Ван, Северный и Южный Горлос) ставки князей располагались на территориях уездов, а ставка князя Бинту-Ван – в непосредственной близости от границы. Ставки князей Северного и Южного Горлоса к тому же находились в непосредственной близости к границам «материкового» Китая.

Вместе с тем, полученные данные свидетельствуют о том, что территориальная организация Северо-Восточного Китая в границах бывшей политики Маньчжурия (Дунбей) и в восточной части Внутренней Монголии в ее современном состоянии, после наложения карт И.Я. Коростовца и В.И. Сурина, отчасти сохранила исторические границы более мелких единиц, таких как аймак Хинган и аймак Шилин-Гол, городской округ Хулун-Буир, а также многочисленные современные хошуны, существующие на месте бывших монгольских княжеств (напр. Шинэ-Барга-Юци в Хулун-Буире или Джалайд/ Чжалайт – Ци в Хингане). Тем самым, по нашему мнению, руководство КНР при

выстраивании своей национальной политики как на начальном этапе становления социалистической государственности, так и сегодня, старается обеспечить устойчивость и преемственность своей государственности древним институтам публичной власти и ее территориальной организации.

Библиография

1. Urgunge O., Pritchatt D. Asia's First Modern Revolution: Mongolia Proclaims its Independence in 1911. Leiden: E.J. Brill, 1989.
2. Дудин П. Н. Автономное государство как политическая категория и инструмент стратегического присутствия // Политэкс. 2020. Том 16, № 1. С. 40-57.
3. Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть Все законы и установления Китайского (а ныне Маньчжурского) правительства: Т. 1 / Перевел с Маньчжурского на Русский язык Коллегии иностранных дел Надворной Советник Алексей Леонтиев. - В Санктпетербурге: при Императорской Академии Наук, 1781.16, [5], XLV, [11], 398 с.
4. Дудин П. Н. Меценат эпохи Синьхя // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2013. Т. 3. С. 1281-1285.
5. Дудин П.Н., Бешенцев А.Н., Базаров К.Ю. Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на слом эпохи (первая четверть XX в.): пространная среда и визуализация// Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 293-312.
6. Дудин П.Н. Институты публичной власти у маньчжуро-монгольских народов Восточной Азии в первой половине XX в. (часть 2: постимперский политический порядок// Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2023. Т. 19, № 3. С. 475-489.
7. Карта Монголии / изд. коммерческой частью и экономическим бюро КВЖД под общ. рук-вом В. И. Сурина; сост. по новейшим материалам М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович и Л. А. Блашкевич. – Типолитоцинкогр. Л. М. Абрамович, 1925. – 1 л. Скл. из 4 л.
8. Карта Маньчжурии / изд. коммерческой частью и экономическим бюро КВЖД под общ. рук-вом В. И. Сурина; сост. по новейшим материалам М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович и Л. А. Блашкевич. – Типолитоцинкогр. Л. М. Абрамович, 1925. – 1 л. Скл. из 4 л.
9. Дудин П.Н., Базаров К.Ю. Маньчжуро-монгольский мир на страницах изданий, хранящихся в фондах академических учреждений г. Владивостока// Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2022. № 4(48). С. 87-92.
10. Карта Монголии. Издание Картографического заведения А. Ильина в С.-Петербурге; сост. по данным бывшего уполномоченного в Монголии И.Я. Коростовца, при участии В.Л. Котвича, 1914. 1 л.
11. Крылов В.Н. Административное деление Китая// Вестник Маньчжурии, 1930, № 11-12. С. 97-101.
12. Дидушок В.Ф. Колонизация Чжеримского сейма Внутренней Монголии // Вестник Маньчжурии, 1928, № 1. С. 25-32.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья на тему: «Трансформация

юридического статуса монгольских земель, вошедших в состав маньчжурских провинций при создании Хэйлунцзяна, Ляонина и Гирина» представляет собой достаточно интересное исследование специализированной научной проблемы.

Очевидно, что авторы статьи являются достаточно уникальными специалистами в указанной области научных исследований, о чем свидетельствует определенная специфичность темы исследования. Это, по нашему мнению, добавляет научной ценности осуществленному исследованию.

Между тем, проведенный нами анализ статьи показал, что она представляет собой скорее некое историко-правовое повествование по вопросу становления Внутренней Монголии как государственно-правового феномена.

Структурно рецензируемая статья представляет собой сплошной текст без выделения в ней специализированного методологического раздела и других структурных элементов научной статьи. К сожалению, авторами не представлен дизайн исследования, его основные методы и подходы к нему. Тем не менее, несмотря на указанные методологические особенности данной статьи, безусловно, прослеживается цель авторов в исследовании юридического статуса монгольских земель, вошедших в состав маньчжурских провинций при создании Хэйлунцзяна, Ляонина и Гирина.

Авторами сформулировано, например, определение правового статуса Внутренней Монголии как автономного государства, представляющего собой такую политическую организацию, которая, располагая основным массивом признаков суверенного государства, имело договорный дефект внешнего суверенитета, что давало ему право в полном объеме осуществлять соответствующие прерогативы по организации внутренней политики в соответствии с древним укладом, но не позволяло быть полноценным субъектом международного права и международных отношений.

Таким образом, можно сделать вывод, что авторы использовали не только собственно общетеоретический метод анализа и интерпретации исследуемых исторических фактов, но и метод правового анализа. Иными словами, исследование приобретает характер междисциплинарного, что следует оценить положительно.

Между тем, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в рецензируемой статье использован достаточно лаконичный список источников и научной литературы. Библиографический список состоит из 13 пунктов, из которых 5 принадлежит одному автору. Такая особенность рецензируемой статьи, в свою очередь, не позволила развить в ней полноценную научную дискуссию или представить ее элементы. Тем не менее, несмотря на сказанное, считаем, что статья вполне заслуживает положительной экспертной оценки и она способна вызвать интерес у заинтересованной профессиональной и более широкой читательской аудитории.

В статье сформулированы необходимые выводы.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, считаем, что рецензируемая научная статья на тему: «Трансформация юридического статуса монгольских земель, вошедших в состав маньчжурских провинций при создании Хэйлунцзяна, Ляонина и Гирина» соответствует предъявляемым к такому виду научных работ требованиям и ее можно рекомендовать к опубликованию в искомом научном журнале.